

УДК 236

А.В. Слобожанин (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Тел.: (4872) 35-74-37; e-mail: phileo@tspu.tula.ru

Е.Г. Якимова (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Тел.: (4872) 35-74-37; e-mail: phileo@tspu.tula.ru

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ И МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ЭСХАТОЛОГИИ Н.А. БЕРДЯЕВА

В данной статье осуществляется гносеологическое и метафизическое истолкование экзистенциальной эсхатологии Н.А. Бердяева, которая рассматривает проблему конечности бытия в контексте вопросов личности, свободы и творчества. Особый акцент делается на анализе темы смерти, посмертного существования человека и конца мироздания на индивидуальном и всемирном уровнях эсхатологии.

Ключевые слова: эсхатология, экзистенциализм, Н.А. Бердяев, русская эсхатология, русская метафизика, объективация, творчество

Тема смерти, посмертного существования человека и конечной судьбы мироздания является одними из главных эсхатологических тем в религиозной философии. Для экзистенциальных мыслителей независимо от религиозной принадлежности проблема смерти и конечности бытия также представляется актуальной. Принадлежность выдающегося русского философа Н.А. Бердяева (1874-1948) религиозному экзистенциализму и его приверженность эсхатологии определило необходимость обращения к размышлению о посмертной судьбе человека и конце всего мироздания с точки зрения христианской (православной) традиции. Так, Н.А. Бердяев отмечает: «Мне очень свойственно эсхатологическое чувство, чувство приближающейся катастрофы и конца света»[6].

В соответствии с христианской традицией можно выделить индивидуальный и всемирный уровни эсхатологии. Если индивидуальный уровень эсхатологии акцентирует внимание на теме смерти и посмертном существовании отдельной человеческой личности, включая представления о немедленном суде и воздаянии, то всемирный – ориентируется на конечной цели космоса, истории и конце мира в целом. В рамках христианского мировоззрения этот период очерчен вторым пришествием Иисуса Христа, Страшным судом, воскресением мертвых и наступлением Царства Божия [См.: 10]. Н.А. Бердяев называет эти два уровня эсхатологии индивидуально-личной и универсально-исторической перспективами и считает, что они неразрывно связаны друг с другом, хотя их согласование и затруднено вследствие парадокса

времени: «С одной стороны, утверждается индивидуальное разрешение личной судьбы после смерти человека. С другой стороны, ждётся разрешение судьбы всего мира и человечества в конце времен, в конце истории. Между двумя перспективами образуется пустое время. Моя вечная судьба не может быть изолирована, она связана с судьбой истории, судьбой мира и человечества. Мировая, всечеловеческая судьба есть и моя судьба, и наоборот, мировая всечеловеческая судьба не может быть разрешена без меня» [5]. В рамках данной статьи будет сделан акцент на гносеологической и метафизической трактовке экзистенциальной эсхатологии Н.А. Бердяева на всемирном и индивидуальном уровнях и выявлению их ключевых идей.

Но, прежде всего, следует отметить тот факт, что философия и метафизика Н.А. Бердяева насквозь антропологичны и эсхатологичны. Более того, он строит свою систему как эсхатологию нового типа. И здесь мы согласны с отечественными учеными И.В. Желтиковом и Д.В. Гусевым, которые отмечают, что «глубокая и оригинальная разработка проблемы конца мира и конца истории в контексте вопросов личности, свободы и творчества позволяют характеризовать идеи Н.А. Бердяева как своеобразную концепцию экзистенциальной эсхатологии» [9, с. 96]. Отчасти это связано с тем, что, по мнению философа, «вся философия, теория познания, этика, философия истории должны быть построены в перспективе эсхатологии, но ... эсхатологии совсем не в том смысле, в каком ее обычно понимают» [2]. Понимание эсхатологии должно быть связано с осознанием специфики религиозной философии, заключающейся в том, что она должна восполнить односторонность и ограниченность как материалистической философии, так и теологии. Так, Н.А. Бердяев отмечает: «Метафизика неизбежно становится эсхатологией. И слабость всех старых метафизик была именно в том, что они не были эсхатологиями. Слабость же эсхатологии богословских систем была в том, что они были гносеологически и метафизически наивными. Необходимо гносеологическое и метафизическое истолкование эсхатологии» [5]. Гносеологическое и метафизическое истолкование эсхатологии связывает проблему конца мира с идеей объективации, которая является одной из основных философских категорий Н.А. Бердяева. Остановимся поподробнее на ее анализе.

«Объективация» является одной из центральных категорий метафизики Н.А. Бердяева, которую можно охарактеризовать следующим образом: «Мир объективации есть падший, мир заколдованный, мир явлений, а не существующих существ. Объективация есть отчуждение и разобщение. Объективация есть возникновение «общества» и «общего» вместо «общения» и «общности», «царства кесаря» вместо «Царства Божьего» [8]. Таким образом, объективация означает выброшенность человека из духовного во внешний, «падший» мир, отчужденность объекта от субъекта, поглощенность неповторимо-индивидуального безличным, всеобщим, господство

необходимости и подавление свободы, подчиненность власти необходимости, пространства, времени.

В результате объективации произошло раздвоение мира: с одной стороны, феноменальный (эмпирический), в который человек оказался выброшенным, с другой стороны, ноуменальный, оставшийся «по ту сторону». Несмотря на то, что в человеческом сознании именно феноменальный, падший мир признается первичным, действительным, в силу пребывания в нем, в своей экзистенциальной глубине человек по-прежнему общается как с духовным миром, так и со всем космосом. Поэтому тот «иной мир», ноуменальный, считается человеком подлинным. Данная ситуация раздвоенности порождает трагизм человеческого существования, который выражается в том, что человек переживает острое чувство одиночества, страха перед существующим миром и тоски по другим мирам, отблески которых прорываются в его снах, мистических прозрениях и творческих интуициях. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что человек есть существо хотя и конечное, но заключающее в себе потенциальную бесконечность и устремленное к бесконечности. Однако, в качестве компенсации за утраченную возможность непосредственного общения с Богом у человека существует возможность духовного восстания, борьбы против объективации посредством общения в любви, творчества и трансцендирования как движения внутрь субъекта в условиях объективированного, «падшего» мира. Именно творчество способствует прорыву духа из небытия и свободы в бытие и мир истории.

История в понимании Н.А. Бердяева представляет собой судьбу человека, путь, который ему необходимо пройти, что является следствием его выброшенности в тварный мир объективации. Человек, таким образом, является историческим существом, которое не может сбросить с себя бремя истории. Вместе с тем человек ставит перед собой отнюдь не только благие цели и не только в них вкладывает свою творческую силу и страсть. Однако, история предстает равнодушной человеку, так как преследует цели цивилизаций, государств, классов, вдохновляясь при этом идеалами силы и экспансии. История использует человека как материал для нечеловеческих целей, и в этом смысле она является преступлением. История развивается по законам античеловеческой морали: в ней господствует эгоизм, борьба классов, войны между государствами, всякого рода насилие.

Действие рока в истории вытесняет действие Бога и человеческой свободы, приводя к объективации тварного мира, насыщенного враждой и ненавистью. Несмотря на это, человек не перестает быть историческим существом, он все равно втягивается в историю, подчиняется ее року и одновременно ей сопротивляется, противопоставляя ей ценность личности, своей индивидуальной судьбы. Поэтому между человеком и историей существует глубочайший конфликт, который неразрешим в пределах земной истории. И в этом смысле история является неудачей духа, в ней не образовывается Царство Божие.

Тем не менее, по мнению Н.А. Бердяева, у истории есть сокровенный смысл. Она является путем к иному миру и подготавливает к нему человечество, так как у истории, помимо земных целей, есть метаисторический смысл, который прорывается в земную историю, просветляет и направляет ее путь. Этот смысл открывается в метаистории, в движении к Царству Божьему.

На наш взгляд, в основе данных представлений лежит идея Н.А. Бердяева о существовании разных видов времени: космического, исторического и экзистенциального. История происходит в своем историческом времени, но она не может в нем остаться: она выходит или во время космическое (и человек оказывается лишь подчиненной частью мирового природного целого), или во время экзистенциальное, означающее выход из царства объективации в духовный мир. История имеет смысл только потому, что она кончится. Можно сказать, что в этом плане философия истории Н.А. Бердяева, как и большинства русских философов, по своему происхождению и смыслу предстает как эсхатологическое учение. Н.А. Бердяев замечает: «Без идеи исторического завершения нет восприятия истории, потому что история по существу эсхатологична, потому что она предполагает разрешающей конец, разрешающий исход, предполагает катастрофическое свершение, где начинается какой-то новый мир, новая действительность...» [7]. Следовательно, с одной стороны, смысл истории лежит за ее пределами. Бесконечная история была бы бессмысленна, и если бы в ней обнаруживался непрерывный прогресс, то он был бы неприемлем, ибо означал бы превращение каждого живущего поколения в средство для будущих поколений. С другой стороны, конец истории знаменует собой наступление ее нового эона, в котором историческое время вольется в общий поток экзистенциального времени: «Эон нашего мира стареет, – утверждает Н.А. Бердяев, – как на презревшем плоде лопнут оболочки, отделявшие его от миров иных... Разрывается связь времен, замкнутый круг мировой действительности перестает существовать; в него сливаются энергии других ступеней действительности, история нашего мирового времени кончается и потому только и приобретает смысл» [7].

Таким образом, история предстает как трагическая судьба человечества. Она не разрешима в пределах самой истории, тому учит ее опыт: «Все могущественные и великие царства, во имя создания которых принесены неисчислимые человеческие жертвы, обречены на гибель и погибли. Погибли все древние восточные империи, погибла империя Александра Македонского, который знал об этом в час своей смерти, погибла римская империя, погибла Византийская империя, рухнули все теократии, и мы присутствуем при гибели Российской империи. И так же погибнут все империи, которые будут созданы» [7]. Потому неизбежен «апокалипсис», т.е. прохождение через и очищение и смерть как эсхатологический переход в иной мир (эон) Царства Божьего.

Однако, вопреки догматическому истолкованию «апокалипсиса» как «Страшного суда», Н.А. Бердяев исходит из персоналистических установок, полагая, что наступление этого суда зависит от человеческой личности и от творческого акта человека. Человеческая свобода и творчество соучаствуют в

уготовлении конца мира и истории, ибо представляют собой богочеловеческий процесс. Навстречу второму пришествию Христа идет человек в совершаемых им делах, именно акты его свободного творчества способствуют наступлению Царства Божия. Поэтому можно сказать, что явление Христа в силе и славе подготавливаются самим человеком посредством своей творческой активности, поэтому пассивное ожидание конца мира и истории недопустимо. Человек должен уготовить второе пришествие Христа и активно двигаться ему навстречу, в противном случае, находясь в пассивном ожидании в состоянии ужаса и подавленности катастрофического завершения истории, человечество будет способствовать наступлению Страшного суда, а не уготовления второго пришествия Христа.

Таким образом, конец мира и истории представляет собой богочеловеческий процесс, который не просто ожидается, а уготовляется самим человеком с помощью активной творческой деятельности. Существенным моментом в понимании эсхатологии Н.А. Бердяева является то, что конец нельзя рассматривать только как имманентную кару и разрушение. Конец представляет собой так же задание человека, заключающееся в преображении мира. Путь к преображению не является мирной и постепенной эволюцией, он лежит через трагические катастрофы и разрушения. Чтобы совершилось преобразование мира, которое является замыслом Бога, человек должен прогрессировать и совершать творческие акты.

Заслуживает внимания тот факт, что Бог, по мнению Н.А. Бердяева, является освобождающей, просветляющей и преобразующей силой, а не карающей, разрушающей, распределяющей возмездия. Кара, возмездие и порабощение представляет собой имманентное порождение человеческой и мировой тьмы. И в этом плане можно говорить о двойственности конца. Фатум Страшного суда и гибель является путем тех, кто отпал от Бога и Христа, конец для тьмы и рабства. Божий конец не является фатумом, а представляет собой дело свободы.

Таким образом, фатально лишь зло, о чем, по мнению Н.А. Бердяева, и говорит Апокалипсис, а фатума добра не существует, оно обращено к свободе. Поэтому эсхатология ставит перед человеком задачу, обращенную к свободе. Бог как вождь и вдохновитель направляет творческие силы человека к созданию высших ценностей. Но человек в своем отношении к Богу является свободным: он может предпочесть мучения вне Бога блаженству в Боге. Однако, человек может стать соучастником божественного творчества и как таковой выступить соучастником миротворения наряду с Богом. Для этого ему необходимо постоянно совершать акты эсхатологического характера, которые Н.А. Бердяев характеризует следующим образом: «Всякий подлинно моральный, подлинно духовный, подлинно творческий акт есть акт эсхатологический, он кончает этот мир и начинает иной, новый мир» [1]. Например, примером эсхатологического акта может являться предоставление пищи голодному человеку или освобождение от рабства негров, так как этими действиями заканчивается этот мир, который является миром голода и рабства. Этот пример доказывает, что

любой подлинный творческий акт знаменует собой наступление конца мира, переход в царство свободы, выход из заколдованности мира. Что касается Царства Божия, то оно приходит неприметно: «во всяком торжестве человечности, в реальном освобождении, в подлинном творчестве близится конец этого мира, мира бесчеловечности, рабства, инерции» [1]. Это означает победу над объективацией – враждой, отчужденностью, безличностью. Мыслитель приравнивал ее к «настоящей революции духа». Однако, это не будет означать уничтожение земного и общественного бытия, а его просветление Духом, т.е. творческое преобразование мира в целом.

В конце концов, человечество может войти в новый эон существования посредством свободы, преобразования мира, в котором человек активно участвует. Н.А. Бердяев отмечает: «Земная история должна вновь войти в небесную историю, должны исчезнуть грани, отделяющие мир посюсторонний от мира потустороннего, подобно тому, как не было этих граней в глубине прошлого, на заре мировой жизни» [7]. Экзистенциальное время должно одержать победу над космическим и историческим, исчезнет противоположность между субъектом и объектом, человек достигнет внутренней свободы от этого мира. У людей пробудится «сверхсознание», в результате чего они свободно примут иную иерархию ценностей, в которой духовность займет высшее место. Наступит богочеловеческое царство, победителем которого окажется Богочеловек.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что особенностью эсхатологии Н.А. Бердяева является идея о том, что Бог действует в свободе человека, на свободу и через свободу. Он раскрывается во Христе и предстает, таким образом, как Освободитель, поэтому конец мира необходимо рассматривать не только как суд и кара, а как освобождение и просветление. Хотя конец мира является Страшным судом, но суд представляется как имманентное последствие путей зла, а не как внешняя кара Бога. Однако, перед проблемой конца стоит творческая свобода человека, поэтому напряженность творческой активности, по мнению Н.А. Бердяева, должна увеличиваться.

Таким образом, экзистенциальная эсхатология Н.А. Бердяева растет из убеждения в том, что весь мир в основе своей есть – зло! Корень всякого зла, рабства, несвободы – это объективация. Человек у Н.А. Бердяева рассматривается не только как творец мира, но в известном смысле и как творец самого себя. Человек должен осуществить своего рода скачек из царства необходимости в царство свободы, создав новый, прежде неведомый мир. Творчество у Н.А. Бердяева становится теургическим актом, которому в последний период жизни он придает эсхатологический характер: своим творчеством человек должен приблизить конец мира. Увы в наши дни мы можем сказать, что эсхатологические чаяния Бердяева недалеки от осуществления: человек своим творчеством уже почти приблизил конец мира, оказавшись на грани ядерной катастрофы со своими экспериментами,

адронным коллайдером и прочей «отравой», только этот финал как-то никого не вдохновляет, не вызывает культурного и религиозного подъема.

Таким образом, именно человеческая личность может являться субъектом эсхатологии, ибо по замечанию Н.А. Бердяева, «психологизм должен быть преодолен в философии, но антропологизм не может быть преодолен» [4]. Остальное из земного мира носит лишь относительный характер. Невозможно спасение рода, класса и конкретной страны. Тем самым Н.А. Бердяева совершенно не интересуют идеи хилиазма. Он рассматривает их исключительно с критических позиций. Например, философ пишет «...носитель в мире идеи антихристианского хилиазма, земного царства и блаженства, не знает и никогда не узнает счастья и радости, будет скитаться до конца веков» [3, с. 126]. Таково истолкование экзистенциальной эсхатологии Н.А. Бердяева на всемирном уровне.

Однако, экзистенциальная эсхатология Н.А. Бердяева может быть рассмотрена и на индивидуальном уровне. В самом общем плане мыслитель разделяет церковное воззрение о том, что после смерти человека ожидает Частный суд, по результату которого будет определено общее существование человека до Страшного суда. Уникальным здесь является то, что Частный суд творится скорее человеком, а не Богом, в особенности, если его результат отрицателен. Н.А. Бердяев пишет, о том, что даже Страшный суд будет судом человеческим. «Страшно то, что я сам сделаю с собой, а не Бог» [4]. В целом юридическое понимание суда претит философу. Человек здесь, на этой земле, знает опыт адских мук, и эти муки представляются ему бесконечными, не имеющими конца во времени. Человек имеет право на эти муки, имеет право оставаться в плену объективации сколь угодно долго во времени, но не в Вечности. В этом смысле можно сказать, что если грешники дантевского ада, по словам современного известного отечественного философа В.Н. Назарова, имеют право на ад навсегда, то у Н.А. Бердяева это право оказывается ограниченным пределами вечности. Эсхатология на индивидуальном уровне у Н.А. Бердяева сознательно лишена юридизма, сам ад (впрочем и рай тоже) не может быть рассмотрен как проявление божественного возмездия. Ужас ада совсем не в том, что суд Божий будет суров и неумолим. «Бог есть милосердие и любовь, и ему отдать свою судьбу означает преодоление ужаса. Ужас в предоставленности моей судьбы мне самому», – пишет философ в работе «О назначении человека» [4].

Будучи философом-экзистенциалистом, Н.А. Бердяев последовательно проводит линию от полной определенности посмертной участи до свободного желания человека. Человек может начать пребывать в аду на земле и даже только на земле. Это соответствует психологическому пониманию ада. Н.А. Бердяев настаивает, что не может быть никакой онтологии ада, есть лишь его

психология. «Предельный религиозный ужас, в сущности, не от Бога, а от того, что Бога нет, что Бог ушел, отрезан от меня» [5] – пишет философ.

В целом проблема ада волнует Н.А. Бердяева гораздо сильнее проблем рая. Концепция рая носит так же подчеркнуто психологичный характер. Н.А. Бердяев указывает, что мечты о рае и предчувствие рая любой человек переживает уже на Земле. В отличие от ада, онтология рая невозможна, так как рай находится в Вечности и есть абсолютная свобода. Не признает Н.А. Бердяев и попыток нравственного истолкования рая, как сфере добра или хуже того вознаграждения за добрые дела. Поскольку само различие добра и зла изгнало человека из рая. В раю не может быть ни добра, ни зла. Как пишет Ф.М. Достоевский «чертово добро и зло нам слишком дорого стоят» [Цит. по: 4]. Основная антиномия нашего мышления о рае заключается в том, что человек страшно мечтает о рае, о райском блаженстве и вместе с тем боится райского блаженства как скуки, однообразия, неподвижности, конечности. Эта антиномия связана с парадоксом времени и вечности.

Затрагивает Н.А. Бердяев и проблемы реинкарнации. Будучи христианином, он не верит, что реальное перевоплощение душ возможно. Хотя сама эта идея кажется Н.А. Бердяеву более правдоподобной, чем учение о вечных муках в аду. Психологически идея перевоплощения все равно остается кошмаром: «Бесконечное однопланное, на нашей земле происходящее перевоплощение в разных людей, даже животных, есть другой эсхатологический кошмар, чем кошмар вечных адских мук. Но идея перевоплощения душ может все-таки дать облегчение, по сравнению с идеей вечного ада» [5]. Но метафизически оно лучше, так как здесь нет бесконечной расплаты за конечную жизнь. Поэтому перевоплощения не означало бы для Бога столь тотальной неудачи в творении.

Итогом эсхатологического пути человека становится воскресение. Поэтому наиболее верно и глубоко учение о воскресении – воскресении целостного существа, а не сохранения дробных частей существа. «Но воскресение, хотя и зависит от Бога требует участие и человека. Царства Христова нельзя пассивно ждать, как нельзя пассивно ждать царства антихриста, нужно активно и творчески бороться против царства антихриста и уготовлять Царство Божье, которое берется силой» [4]. В этом Н.А. Бердяев созвучен учению Православной Церкви (христианства).

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

Учение Н.А. Бердяева в общих моментах строится на христианской традиции, но содержательно самобытно.

Человек является действующим субъектом эсхатологии Н.А. Бердяева, ему отведена главная роль в историческом процессе.

Эсхатологическая тема носит экзистенциальный характер и является системообразующей в философии Н.А. Бердяева, она связывает проблему конца мира и конца истории с личностью, свободой и творчеством.

Объективация находится в центре гносеологического и метафизического истолкования эсхатологии Н.А. Бердяева, она означает выбрасывание человека вовне, из духовного в «падший мир», подчинение условиям пространства, времени, причинности, рационализации, поглощенность неповторимо-индивидуального безличным.

В результате объективации человек переживает экзистенциальное чувство одиночества, глубокого дискомфорта, страха перед существующим миром, борьба с этими чувствами связана с общением в любви, творческой деятельностью и трансцендированием.

Конец мира и истории, второе пришествие Христа и Страшный суд представляют собой богочеловеческие процессы, которые не просто ожидаются, а уготовляется самим человеком с помощью активной творческой деятельности, пассивное ожидание конца недопустимо.

Конец мира и истории представляет собой, с одной стороны, трагические катастрофы и разрушения, с другой стороны, преображения мира.

Между человеком и историей существует глубочайший конфликт, который неразрешим в пределах земной истории, поэтому неизбежен переход в метаисторию, в Царство Божие.

Индивидуальное спасение и коллективное взаимосвязаны. Человек не может быть спасен, если страдает хоть один другой человек.

Сознательно-деятельное отношение к эсхатологии, по мнению Н.А. Бердяева, является основой осмысленной жизни человека.

Эсхатология Н.А. Бердяева носит персоналистический характер, предполагающий свободное достижение рая в вечности каждым человеком.

Литература

1. Бердяев Н.А. Война и эсхатология [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер: [сайт]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Berd/_VoiEsh.php (Дата обращения 01.06.2015).
2. Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер: [сайт]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Berd/_Duh_Real06.php (Дата обращения 01.06.2015).
3. Бердяев Н.А. Национализм и антисемитизм перед судом христианского сознания // Русская мысль. 1912. Кн. II, ст. XIV. С. 125-141.
4. Бердяев Н.А. О назначении человека. Ч. 3. О последних вещах. Этика эсхатологическая [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова:

[сайт]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1931_026_12.html (Дата обращения 01.06.2015).

5. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Ч. 4. Проблема истории и эсхатологии [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1941_38_09.htm (Дата обращения 01.06.2015).

6. Бердяев Н.А. Самопознание [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1940_39_00.htm (Дата обращения 01.06.2015).

7. Бердяев Н.А. Смысл истории [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1923_019.htm (Дата обращения 01.06.2015).

8. Бердяев Н.А. Я и мир объектов [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Одинцовского благочиния: [сайт]. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/ya_i_mir_objektov/ (Дата обращения 01.06.2015).

9. Желтикова И.В., Гусев Д.В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология : монография. Орел: Изд-во ОГУ, 2011. 172 с.

10. Якимова Е.Г. Проблема эсхатологии в христианской традиции: религиозно-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.14. Тула, 2012. 23 с.

A.V. Slobozhanin, Ye.G. Yakimova

EPISTEMOLOGICAL AND METAPHYSICAL INTERPRETATION EXISTENTIAL ESCHATOLOGY N.A. BERDYAEV

In this article carried epistemological and metaphysical interpretation of existential eschatology N.A. Berdyaev, which addresses the issue of the problem of the finiteness of life issues in the context of the individual, freedom and creativity. Particular emphasis is placed on the analysis of the theme of death, post-mortem human existence and the end of the universe at the individual and global levels eschatology.

Keywords: eschatology, existentialism, N.A. Berdyaev, Russian eschatology, Russian metaphysics, objectification, creativity

Literatura

1. Berdjaev N.A. Vojna i jeshatologija [Jelektronnyj resurs] // Biblioteka Gumer: [sajt]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Berd/_VoiEsh.php (Data obrashhenija 01.06.2015).

2. Berdjaev N.A. Duh i real'nost'. Osnovy bogochelovecheskoj duhovnosti [Elektronnyj resurs] // Biblioteka Gumer: [sajt]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Berd/Duh_Real06.php (Data obrashhenija 01.06.2015).
3. Berdjaev N.A. Nacionalizm i antisemitizm pered sudom hristianskogo soznaniya // Russkaja mysl'. 1912. Kn. II, st. XIV. S. 125-141.
4. Berdjaev N.A. O naznachenie cheloveka. Ch. 3. O poslednih veshhah. Jetika jeshatologicheskaja [Elektronnyj resurs] // Biblioteka Jakova Krotova: [sajt]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1931_026_12.html (Data obrashhenija 01.06.2015).
5. Berdjaev N.A. Opyt jeshatologicheskoi metafiziki. Ch. 4. Problema istorii i jeshatologii [Elektronnyj resurs] // Biblioteka Jakova Krotova: [sajt]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1941_38_09.htm (Data obrashhenija 01.06.2015).
6. Berdjaev N.A. Samopoznanie [Elektronnyj resurs] // Biblioteka Jakova Krotova: [sajt]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1940_39_00.htm (Data obrashhenija 01.06.2015).
7. Berdjaev N.A. Smysl istorii [Elektronnyj resurs] // Biblioteka Jakova Krotova: [sajt]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1923_019.htm (Data obrashhenija 01.06.2015).
8. Berdjaev N.A. Ja i mir ob#ektov [Elektronnyj resurs] // Elektronnaja biblioteka Odincovskogo blagochinija: [sajt]. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/ya_i_mir_objektov/ (Data obrashhenija 01.06.2015).
9. Zheltikova I.V., Gusev D.V. Ozhidanie budushhego: utopiya, jeshatologija, tanatologija : monografija. Orel: Izd-vo OGU, 2011. 172 s.
10. Jakimova E.G. Problema jeshatologii v hristianskoj tradicii: religiozno-filosofskij analiz : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.14. Tula, 2012. 23 s.